

МАРИНА СЕРОВА

**ДОРОЖЕ ДЕНЕГ,
сильнее любви**

Сернал
"Телохранитель Евгения Охотникова"

Марина Сергеевна Серова
Подвенечный наряд
телохранителя
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177968
Дороже денег, сильнее любви: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-30908-5*

Марина Серова

Подвенечный наряд телохранителя

Все имена и события вымышлены.

Все совпадения случайны.

Когда самолет оторвался от земли и стал набирать высоту, я впервые за последние сутки расслабилась, откинувшись на спинку кресла. Уф-фф, даже голова закружилась.

Хотя настоящая суматоха, да что там суматоха – полноценный сумасшедший дом, неизменный спутник любого массового мероприятия, был еще впереди, хотя и начало этого дня было для меня тоже очень даже нелегким. Но все-таки впереди есть тихих полтора часа отдыха, когда, вытянув ноги ровно настолько, насколько это позволяло кресло впереди сидящего, и закинув руки за голову, я смогу отдаться заслуженному отдыху и даже подремать под ровный шум двигателей.

– Кать! – услышала я над собой неприятно-звонкий голос. – А, Кать! А меридианы-то мы увидим? Из окошка? Ну, про какие в школе рассказывали?! Я всю ночь не спала, готовилась! Знаешь, я ведь в первый раз на самолете лечу...

При этом вопросе, хотя обращались не ко мне, а всего лишь через мою голову (я имела несчастье занять в самолете

место между двумя девицами модельной внешности, блондинкой крашеной и блондинкой натуральной), я вздрогнула и уставилась на Анюту. Чудовищную по своей глупости фразу произнесла именно она.

С этой девушкой (правильнее было бы сказать – девочкой) из модельного агентства «Кассиопея» я познакомилась только час назад. Ее узкое личико с пухлыми губами и тем прелестным, свойственным только очень юным существам румянцем, который не скопируешь никакой косметикой, вызывало непреодолимую симпатию. Точно так же, как умиляет мордочка лопоухого щенка, от которого еще пахнет молоком и теплом материнского бока, – невозможно удержаться от того, чтобы не потискать кутенка и не поцеловать его во влажный нос.

Анюте было неполных пятнадцать, и этот возраст подчеркивал не только ее свежий вид, но и не до конца созревшая фигура: голенастый подросток с неоформившейся грудью и выступающими ключицами. Вот только рост – метр семьдесят шесть, – осанка и профессиональная походка «от бедра» – все это заставляло воспринимать Анюту уже по-взрослому. Не девочка, но – юная женщина с большим будущим.

Хотя... Если это «большое будущее» подразумевало также и большие мозги, то шансов у Анечки, увы, не было. Каждый из ее больших глаз превосходил по размеру ее скромненький мозг.

Еще вчера, при первом знакомстве с юной моделью, мне

показалось, что хрустальная голубизна ее глаз кажется такой чистой еще и потому, что там, в глубине, не плещется ровным счетом ни одной мысли.

Теперь, когда выяснилось, что Анна имеет серьезное намерение разглядеть с самолета параллели и меридианы, которые ей показывала на глобусе учительница географии, мне стало понятно, что мыслей в этой красивой головке – даже не ноль, а минус одна!

– Кать, а Кать! – взывала она к моей соседке слева. – Ты спишь, что ли? Кать, не спи! Такое событие упускаешь! Я потом, как обратно прилетим, нашей географичке в школе нос натяну! Она не видела меридианов – сама говорила, – а я вот увижу! Ну, Кать!

Катерина Измайлова, томная красавица двадцати двух лет (по меркам модельного бизнеса – уже почти пенсионерка), ответила негромко и чуть нараспев – уж такая у нее была манера разговора:

– Анна, немедленно закрой рот. Если тебя услышит еще кто-нибудь, то завтра же в свежей печати появится стотысячный анекдот про блондинок. И ты будешь выступать в нем главной героиней.

– Почему это? – воскликнула Анечка, невольно дотронувшись до своих платиновых локонов, свободно ниспадающих по обе стороны лица. Ей очень шел этот цвет, хотя будь я Анечкиной мамой, то ни за что не позволила бы ребенку красить волосы в столь юном возрасте.

– Если ты хотя бы один раз за свою жизнь взяла в руки учебник по географии, то, возможно, сумела бы прочесть там, что меридиан – это *воображаемая* линия, проходящая через полюсы земного шара и пересекающая экватор под прямым углом, – ответила Катерина. – Надеюсь, слово «воображаемая» тебе понятно? Объясняли вам его на ваших уроках географии?

– Ну... Она, то есть географичка наша, говорила еще что-то такое про горизонт... что это воображаемая линия... Только я все равно не поняла, как это может быть, когда воображаемая. Ведь я же его вижу!

– Что?

– Горизонт! Сто раз его видела! И ни разу не замечала, чтобы он воображал!

Катерина вздохнула. С Аней она предпочитала разговаривать с закрытыми глазами, даже не повернув в ее сторону головы. Я поняла, что дикарские познания ребенка в географии ее давно уже не удивляют.

– Закрой рот, Анна, – повторила она. – И вообрази, что ты тоже воображаемая, в смысле – несуществующая. Или я – это совершенно не важно, кто именно из нас не существует, лишь бы только не слышать того, что ты несешь. Ты в аэровокзале книжку купила, я видела. Вот и почитай пока... хотя бы буквы вспомни.

Аня обиженно засопела и, пошуршав в сумочке, действительно достала книжку – сборник комиксов про Микки-Мау-

са. И то хлеб, подумала я, тоже закрывая глаза. Может быть, просмотрев картинки о приключениях голливудского мышонка, Анечка пополнит свои познания хотя бы в зоологии.

Интересно, они тут все такие? «Тут» – это значит в модельном агентстве «Кассиопея», хозяйка которого, она же модельер Ирина Акулова, два дня назад наняла меня на работу.

* * *

Как обычно, все началось с телефонного звонка. Звонил мой бывший сослуживец по отряду СОБР Ванька Кофанов.

Когда-то подтянутый и даже изящный, несмотря на камуфлированную униформу, боец, ловко проникавший в самое логово врага, устанавливавший там пару растяжек и так же ловко возвращавшийся назад без единой царапины, сегодня он сильно изменился. Остепенился, демобилизовался, женился, разучился рисковать, народил себе двух дочек и сидел на непыльной должности главного редактора ведомственной газеты «За охрану и правопорядок», забавно отрачивая себе брюшко.

Мы давно не виделись. После демобилизации я тоже освоила гражданскую профессию – если, конечно, профессию телохранителя можно таковой считать. Как бы там ни было, карьера на этом поприще мне удалась.

Без работы я сижу редко. Потому что чем больше у людей

денег – тем интереснее эти деньги заполучить кому-то другому. А в таких случаях телохранитель для богатого человека является такой же необходимостью, как костюм от Версаче и пуленепробиваемый сейф в кабинете. И то, что я – женщина, смущает моих клиентов меньше всего. Им даже выгоднее нанимать в телохранители именно женщину.

Приятно думать, что в глазах окружающих ты выглядишь не перетрусившим денежным мешком, а серьезным деловым человеком, заимевшим себе в секретарши или в помощницы приятную во всех отношениях особу. Ведь никто из моих клиентов не орет на каждом перекрестке, что эта леди (то есть я) владеет приемами рукопашного боя и восточных единоборств, в сумочке у нее зажигалка с записывающим устройством, а за резинкой чулка пистолет, и вообще не дай бог повстречать ее (меня) когда-нибудь с нечистыми намерениями в темном переулке... Нет, большинство клиентов предпочитают делать вид, что они сами с усами, и море им по колено, и героин им – трын-трава, и лишний миллион – капля в море, и вообще амурский тигр не страшнее котенка, лакающего из блюдечка молочко.

Вот почему я редко когда сижу без работы. Но Ванька Кофанов счастливо попался мне как раз в период «межсезонья», когда у одного клиента я только что отработала ровно три тяжелых в моральном отношении месяца, а другой все никак пока не выклевывался.

– Женька! – счастливо закричал он мне в трубку. – При-

вет! Ты дома, подруга?! Ну, это просто праздник души! Думал, тебя в городе нет!

– Да вообще-то, считай, что уже нет, – зевнула я прямо в трубку (разговор происходил рано утром, и я, числя себя в незапланированном отпуске, валялась в постели, просто кайфуя от мысли, что мне не надо никуда вставать). – Хотела с завтрашнего дня податься на юг, к морю, фруктам, магнолиям, горячим южным мужчинам и ненавязчивому сервису работников Сочинского общепита. Уже и чемоданы уложила. И билет на руках.

– Чемоданы можешь не распаковывать, ибо смысла нет, а билет придется сдать уже сегодня! – радостно, будто сообщая мне о том, что в России наконец-то наступило правовое государство, сообщил Ванька. – Я подцепил тебе классного клиента!

– Ты говоришь, как девушка, которая впервые вышла на панель, обнажила грудь и полна романтических иллюзий, – заметила я.

– По фиг! Женька, когда ты услышишь сумму, о которой идет речь, ты сама наполнишься такими иллюзиями! Женька! Полсотни тысяч баксов всего лишь за то, чтобы ровно неделю поохранять какой-то чемодан!

– Че-го? Какой чемодан?

– С бабьими тряпками!

– Ясно, – я снова опустилась на подушки. – Человеком, Ванечка, ты стал взрослым, а шутки у тебя остались по-

прежнему детсадовские. Мне охранять чемодан с бабьими тряпками? Да это все равно что тебе поручить написать статью для женского журнала на тему «Как я была беременной».

– Я не шучу, – было слышно, что он обиделся. – До сих пор, Женька, я тебя еще ни разу не обманывал!

Это было правдой. У Ваньки были недостатки, он был, например, способен на весьма сомнительные розыгрыши, но отъявленным вруном он не был. Значит, его предложение и в самом деле носило деловой характер.

– Ладно, прости. Так что там у тебя за клиент с чемоданом?

И Ванька рассказал мне следующее.

Его жена Света, полная и живая хохотушка, имела редкую в наши дни профессию вышивальщицы и кружевницы. Когда-то, часами просиживая за пяльцами и коклюшками, Светка просто приучала себя к терпению и гнала дурные мысли – это было в то время, когда Ванька месяцами пропадал в «горячих точках» и его родных трясло от мысли, что как раз сейчас, вот в эту самую минуту, их любимый Ванечка рискует жизнью и в любой момент может погибнуть. Светка, которая в те дни улыбалась очень редко, при первых же невеселых фантазиях хваталась за свое вышивание, чтобы успокоить нервы. И в результате к тому времени, как Ванька вернулся домой, их дом украсился совершенно эксклюзивными вещичками ручной работы – салфетками, подушками, покрывалами и даже ковром с необыкновенными по красоте

вышивками с кружевной отделкой.

– Да это просто музей какой-то! Музей прикладного искусства! Ваша квартира наполнена редкостями! – восхищались гости, с робостью дотрагиваясь до Светкиной работы кончиками пальцев. – Знатоки платят за такие вещи огромные деньги, просто огромные!! Будете продавать – не проделаете!

Светка улыбалась и качала головой. Продать? Ни за что. Память долгих-долгих вечеров, которые проходят в ожидании, когда муж вернется с войны, не продается ни за какие деньги!

Видимо, кто-то из восхищенных гостей понес весть о необыкновенном Светкином мастерстве дальше. И в результате в квартире Кофановых скоро раздался звонок от известного в нашем городе модельера Ирины Акуловой. Эту женщину Светка знала, хотя только по телевизору: жена местного олигарха Акулова часто мелькала в телепередачах в качестве примера успешной бизнес-леди.

Года три назад муж Ирины, чтобы жена не скучала и не зудила его за то, что он поздно возвращается с работы, купил ей модельное агентство, которое она назвала пышным словом «Кассиопея». Но что толку иметь модельное агентство, если модели в нем сидят без работы? И тогда Ирину Акулову осенила новая мысль – начать создавать свою линию модной одежды. Вкус у нее был, деньги тоже, и дело пошло. Теперь любая из состоятельных дам нашего города считала просто

необходимым иметь в своем гардеробе хотя бы одну вещь «от Акуловой».

– Светлана, – сказала Ирина, позвонив Светке по телефону и представившись, – я бы хотела пригласить вас на работу. Вышивальщицы и кружевницы в нашем деле – редкий жанр, и плата им идет соответствующая. Так что не отказывайтесь, подумайте. А кроме того, как раз сейчас я задумываю новую линию одежды в стиле «рококо», где главный акцент в деталях как раз будет делаться на вышивке и вставках из кружев! Подумайте, какой шанс для вас, чтобы получить собственное имя в мире моды!

Светка не была тщеславной, но от такого предложения у нее все-таки защемило под ложечкой. Да и почему бы не согласиться? Дочки-погодки, родившиеся аккурат через девять и девятнадцать месяцев после Ванькиной демобилизации, уже подросли и ходят в детский сад, муж забросил геройство и мирно редакторствует в ведомственной газете, в жизни случается все меньше событий, и еще меньше возможностей проявить себя!

И она согласилась. Как оказалось – не зря. Через несколько месяцев работы в «Кассиопее» ее зарплата скакнула до серьезных высот, так что Ванька только шумно дышал через нос, когда Светлана, высунув язык, дразняще помахивала ему пачкой «своих» денег.

Впрочем, Ванька сопел только для виду. Ему очень нравилось, что Светлана нашла себя и за короткое время из мелан-

холичной худышки унылого вида превратилась в хорошенькую, полненькую, пышущую здоровьем хохотушку.

– Так вот, – говорил мне сейчас Ванька, – в Москве на днях отрывается Модная неделя, слыхала? Ну, это когда со всего света съезжаются дизайнеры со своими моделями и коллекциями и начинается выпендрей для гламурных журналов. Я, впрочем, не особенно разбираюсь... Ну, в общем, Ирина Акулова едет на эту Неделю как участник – впервые. С большим трудом прошла конкурсный отбор, там знаешь какие условия – просто драконовские! Едет со своими платьицами-кофточками, которые она придумала, а Светка расшивала и отделявала. Для них, в «Кассиопее», это большое событие, полгода готовились, хозяйка все соки из сотрудников повыжимала... Но дело не в этом. Короче! В Москву едут сама Акулова, моя Светка, их администратор и шесть девчонок-моделей. Но еще им нужен телохранитель.

– Я одна должна охранять девять человек? Прости, но...

– Да нет же! Чего их там охранять, этих девятерых, – кому они нужны-то. Чемоданы надо охранять, даже не чемоданы, а такие специальные кофры для перевозки одежды. Платья караулить требуется, чтобы не уперли, поняла?

– Нет, не поняла, – отказалась я. – Зачем надо караулить платья? Тем более платить за охрану такие деньги? Они что, из золота скроены и платиновыми нитями сшиты?

– Да нет же! Обычные платья, то есть, конечно, необычные, материал там дорогой, и вообще все вещи эксклюзив-

ные, то есть существующие в одном экземпляре... и как раз в этом-то все и дело! Там, на Модной неделе, конкуренция почище, чем на китайском рынке. Новичков не любят. За то, чтобы устранить конкурента, дизайнеры эти, особенно молодые, готовы каждый день съесть по шляпе собственного покроя!

Я насторожилась:

– Устранить?

– Да, но не в смысле – убить, а в смысле столкнуть с дороги. Не дать засветиться на показе! Самый простой способ – украсть или испортить коллекцию! Чтобы нечего было показывать, понимаешь? И вот этого Акулова боится больше всего! Тем более что это ее первый выезд на Модную неделю в Москве! Понимаешь теперь?

– Кажется, да. Моя задача – охранять коллекцию от происков конкурентов?

– Во, точно! И при этом не слишком светиться, то есть окружающие не должны догадываться, что ты – телохранитель! То есть чемоданохранитель, – загоготал он, впрочем, довольно добродушно. – Потому что это все-таки модный показ, светское мероприятие, а не бандитские разборки. Светка говорит, ее хозяйка давно задумывалась, кого бы нанять для охраны, чтобы не слишком в глаза бросалось, ну, мы и подумали про тебя! Идеальный вариант. В случае чего – за модель проскочишь, а что, у тебя и фигура, и ноги подходящие. И на шпильках ты умеешь ходить – сам видел!

– Ладно, – оборвала я его. – Спасибо за заботу. Пятьдесят тысяч долларов с неба не падают, грех отказываться. Придется сдавать билет в Сочи.

– Во-во! И сразу покупать на Москву. Впрочем, Акулова тебе сама купит.

– Где я могу с ней встретиться, чтобы обсудить детали?

– Да прямо в офис «Кассиопеи» приезжай после обеда. Часам к двум подваливай. Ирина на месте будет. Жена моя ей о тебе уже рассказала.

– Договорились. Спасибо, Ванька! С меня коньяк.

– Добро, – легко согласился мой бывший сослуживец. – А лимончик к нему я сам куплю. Посидим, песни попоем, про жизнь и баб поговорим... Как вернетесь из столицы – звони!

* * *

Модный модельер Ирина Акулова предложила мне приесть и сама заняла свое место за столом, на котором вполне можно было давать концерты Ансамбля песни и пляски Российской Армии – такой он был длинный, полированный и блестящий.

Я невольно подумала, зачем модельеру такой стол, а потом заметила на другом его конце свернутые в рулоны большие листы бумаги. Ну, понятно, наверное, чтобы делать и рассматривать наброски, эскизы и какие-нибудь чертежи кроя, нужен и соответствующий стол. Хотя зайди в кабинет

Ирины Акуловой посетитель с более нежными нервами, чем у меня, такое большое расстояние, отделяющее его от хозяйки, вывело бы его из равновесия.

— Мне сказали, что основная задача вам понятна и против суммы вознаграждения за работу возражений нет? — Ирина сразу взяла быка за рога.

— Против суммы гонорара я не возражаю, а вот насчет обязанностей хотелось бы разъяснений. Небольших. Чтобы выполнить работу хорошо и без дурных последствий, мне нужно знать, кого вы опасаетесь в первую очередь.

— Ах, боже мой! — пожала плечами Ирина. — Да разве можно угадать!

У нее был прямой, немного жесткий взгляд и серьезное, лишенное даже намека на улыбку, выражение лица. При чем ясно было, что это лицо вообще редко улыбается; может быть, госпожа Акулова боялась появления мимических морщинок (эта женщина очень следила за собой, что бросалось в глаза) или же просто обладала замкнутым характером.

От нее веяло холодом, как от Снежной Королевы, но точно так же, как эта сказочная женщина, Ирина была очень красива. Причем той броской северной красотой, которая сводит с ума мужчин и покрепче нашего местного олигарха Акулова. У нее был точеный профиль северянки, строгие серые глаза и безупречно уложенные в сложную прическу светло-русые волосы. Сквозь легкую ткань белой блузки, надетой под строгий классический пиджак, проступали очерта-

ния маленькой крепкой груди.

Словом, Ирина Акулова при желании могла бы с успехом заменить любую из своих моделей, но, как я подозревала, не имела на это ни времени, ни желания. Деловая женщина, которая знает себе цену и не собирается сбавлять ее даже для очень перспективного покупателя.

Да и возраст... Ирине Акуловой было сильно за тридцать. Конечно, некоторые всемирно известные модели продолжают дефилировать до глубокой старости, но начинать карьеру в этом возрасте все-таки уже поздно.

– Впрочем, кто знает... Иными словами, подозревать в коварных планах вывести вас из игры, украв предназначенные к показу вещи, стоит всех и каждого?

– Да. Таковы законы нашего бизнеса.

– Дерьмовые у вас законы, – вырвалось у меня невольно.

Но Ирина только кивнула:

– Как и в любом серьезном деле. Нельзя не испачкаться, создавая красоту, – кажется, именно так сказал кто-то из великих. Это только кажется, что модный бизнес состоит из света софитов, вспышек фотокамер, красивых женщин и больших денег. На самом деле...

Она снова пожала плечами:

– Помимо гламурного блеска, у модного бизнеса есть и изнанка. Например, промышленный шпионаж, который процветает в модной индустрии. Разведать, что творится в стане конкурентов, достать выкройки или хотя бы эскизы костю-

мов, режиссуру шоу, переманить «звездных» манекенщиц, перекупить поставщиков тканей и фурнитуры – на все это тратятся огромные деньги! И не надо далеко ходить за примерами – в нашей среде слухи распространяются очень быстро. Совсем недавно, буквально за несколько минут до начала показа столичного модельера Руты, клиентками которой являются известные люди – жена популярного актера Ирина Безрукова и теннисистка Анна Курникова, – у нее самым банальным образом украли заказанные вечерние платья. А до этого был случай, когда всю ее коллекцию, уже приготовленную к показу, испортили, прожгли сигаретными окурками. Многие коллеги жалуются, что шпионы и «кроты» обнаруживаются даже в руководящем составе Дома моделей! Они крадут, да-да, именно крадут не только оригинальные идеи, но и базы клиентов. Тоже мало приятного.

– Все равно это как-то... ну, мелко, что ли. Именитые модельеры не станут опускаться до кражи каких-то костюмов, – заметила я, не слишком, впрочем, уверенно.

– Вы думаете? – прищурилась Акулова. – Ничего подобного. «Казачков» к конкурентам засылают абсолютно все! У гениев, знаете ли, тоже случаются творческие кризисы. Тем более что у молодых модельеров просто нет возможностей отстоять свои права – силы неравны. Знаете историю, которая недавно произошла у Валентина Юдашкина с Рутой? Дизайнеры поспорили, кто у кого «позаимствовал» сходство некоторых элементов в костюмах. Певица Электра купила у

Руты модель, которую под брендом Юдашкина через полгода «обновила» Ксения Собчак. Другой модельер, Алиса Толкачева, тоже имела претензии к мэтру российской моды. Она заявила, будто Юдашкин украл у нее модель брюк, плотных спереди и совершенно прозрачных сзади. Такие брючки она представила на одной из московских Модных недель, где их купила певица Анжелика Варум, а через некоторое время на обложке одного из модных журналов в точно таких же брючках щеголяла Наташа Королева, которая одевается у Юдашкина. Разгорелся большой скандал, который, правда, закончился худым миром: Толкачева, которую не допустили к участию в следующей Неделе моды, попросила у Юдашкина извинения. Модельеры сошлись на том, что некоторые идеи просто «носятся в воздухе» и потому могут возникать в воображении нескольких модельеров одновременно. Это объяснение, конечно, было придумано для прессы. Что там случилось на самом деле – знают только сами дизайнеры, но мне лично и так понятно, что ссориться с Юдашкиным никому неохота.

– Так вы опасаетесь, что у вас, попросту говоря, стырят костюмы?

Ирина аристократично поморщилась от употребленного мною вульгаризма, но тем не менее ответила:

– Разве я знаю, откуда именно ждать неожиданностей? Они всюду. И не скрою от вас, что я в большой тревоге, беспокоюсь за все: и за свои модели, и за девочек (это она мане-

кенщиц «девочками» зовет, догадалась я), и за себя... Да, и за себя! Я ведь неопытная, из начинающих. Как там будет и что – просто не имею понятия, только по рассказам от коллег и знаю.

Странно было слышать такое признание от этой холодной, словно примороженной красавицы. При первом взгляде на нее казалось, что ей известно все, а всякого рода ходы и выходы – вообще в первую очередь.

– Впрочем, я бы хотела, чтобы вы, Женя, взяли на себя именно сохранность коллекции, – продолжила Ирина. – Она не слишком большая, хотя и объемная – помещается в трех больших кофрах. Остальной багаж, всякие сумки с косметикой, бижутерией, галантереей, пусть вас не беспокоят. Если что из них пропадет – потеря невелика и восполнима. Главное – это моя коллекция. Не спускайте с нее глаз ни на минуту!

На этих словах Ирина все же разволновалась и даже слегка прихлопнула рукой по стопке бумаг, лежащих по левую сторону от ее компьютера. Я заметила, что щеки ее порозовели – будто кто-то плеснул на них розового вина. Ага! Изменила все же хваленая выдержка.

– А за себя саму и за «девочек» вы боитесь меньше?

– Все-таки я не настолько известна и не настолько влиятельна... пока... чтобы кто-то желал меня устранить. Вообще же пусть именно этот вопрос вас беспокоит в последнюю очередь. Муж не согласился отправлять меня в Москву

без охраны и откомандировал мне своего начальника охраны, Игоря. Это очень расторопный, если так можно говорить об охраннике, и очень сообразительный, серьезный человек. Думаю, что с ним я, вернее сказать, все мы, будем в полнейшей безопасности. Я вас познакомлю.

– Итого, значит, в этой поездке в Москву нас будет...

– Десять человек. Шесть девочек, наш администратор Альберт, тоже милый юноша, вы, я и Игорь. Встречаемся завтра в аэропорту, за два часа до вылета – у нас большой багаж, и его нужно правильно погрузить и оформить.

– Хорошо.

– Женя... я могу надеяться на вас? Не сочтите за обиду, я, конечно, навела о вас справки, и как профессионал вы меня вполне устраиваете. Я спрашиваю в том смысле – понимаете ли вы, что все это очень серьезно?

– Ирина... простите, как вас по отчеству?

– Михайловна.

– Ирина Михайловна, я все прекрасно поняла. Если бы мне приходилось что-нибудь повторять два раза, то я не годилась бы для этой работы.

– Хорошо, – сказала она, вставая. – Зайдите сейчас в бухгалтерию, вам выпишут аванс. Половину оговоренной суммы, вы не против? Вторую по приезде.

– Все в порядке. Так до завтра.

– Да, Женя, спасибо вам, до завтра.

Когда новость о том, что у меня появился новый клиент, с которым мы завтра же летим в Москву на Модную неделю, стала известна тете Миле, она вплеснула ручками и в полном восторге пустилась в пляс.

Вернее – принялась неуклюже и несколько тяжеловесно проделывать на нашей кухне некие замысловатые па. Тетушка у меня не из худеньких, на танцплощадки она перестала ходить лет эдак двадцать с лишком назад, поэтому ее потуги посоревноваться в грации с примами балета сильно меня позабавили.

– Ой, Женечка! Как хорошо-то! Наконец-то у тебя появился шанс! Господи-господи, услышал ты мои молитвы!

– Какие молитвы, о чем? – поинтересовалась я, уписывая бутерброд – дело происходило за вечерним чаем.

– Ну как какие молитвы, – тетя Мила села напротив меня и принялась, тяжело дыша, обмахиваться салфеткой. – Ты теперь у меня обязательно замуж выйдешь, Женечка. О господи, наконец-то!

Мой бутерброд остановился на полпути.

– Замуж? Я?! С чего ты взяла?!

– Ну а как же! – воскликнула тетушка. – Ведь там, на этих всяких модных, как их... тусовках, что ли... ведь там миллионеров и киноактеров – как блох на собаке! Ой, то есть я

хотела сказать... эээ... ну, в общем, что их там много. Они эти подиумы, по которым модели вышагивают, как мухи, облепляют – ищут себе красивую жену. Так и кишат...

Я покатила со смеху, представив себе «язык», подступ к которому усыпан телами неженатых миллионеров.

– Ничего, Женечка, в этом смешного нету! Я тебе даже так скажу: без мужа ты мне оттуда не смей возвращаться, таково мое тебе родительское слово! Да-да! Родительское! В конце концов, я тебе вместо матери!

Это была чистая правда. С тех пор как мама моя умерла, а отец, не выдержав даже минимального, по простым правилам приличия положенного срока траура, женился на какой-то гадкой бабе, тетя Мила стала для меня единственной семьей. Она приютила меня в трудную минуту, а потом, будучи тоже одинокой, стала опекать со всей материнской страстью.

Две вещи огорчали тетю Милу безмерно – моя работа и моя «непристроенность». Если с тем, что единственная племянница работает «по мужской профессии», она еще могла смириться, то отсутствие у меня мужа и детей тетушка считала своей личной неудачей. Вопрос о том, как ей хочется понянчить внуков, она поднимала с завидным постоянством.

Не упустила она его и сейчас.

– ...и чтобы, Женя, без разговоров! Хватай там хорошего мужчину, держи его обеими руками, смотри, не первого попавшегося – выбери покрасивее да побогаче... а впрочем,

чем черт не шутит, этот богатый, красивый, неженатый и без родственников сам к тебе подойдет. Ты у меня такая красавица, такая умница...

От мысли о том, какая я красавица и умница, тетя Мила даже прослезилась. И села за стол, возле своей остывшей чашки с чаем, глядя на меня и представляя, как я вскорости буду держать у себя на каждом колене по ребятенку.

Я протянула ей бутерброд.

– Давай пить чай, тетя Мила. Я слышала, что даже жены красивых миллионеров иногда пьют со своими тетушками чай.

* * *

На следующий день в VIP-зале аэропорта я была представлена тем, с кем ближайшие дни мне предстояло делить все тяготы и заботы Модной недели.

В первую очередь Ирина Михайловна познакомила меня с коллегой – начальником охраны ее мужа Игорем Волковым. Это был плотный – не полный, а именно плотный, то есть крепко сбитый, с литыми мышцами – лысоватый человек лет сорока пяти с синеватым от частого бритья подбородком. Он ощупал меня с ног до головы внимательным взглядом и крепко пожал протянутую руку.

– Ого, – сказал Волков в свою очередь, оценивая мое тоже не слабое рукопожатие. – Я думаю, мы сработаемся.

Улыбнувшись ему, я обернулась к худощавому, разодетому, как африканский петух, молодому человеку. У него были крашенные волосы совершенно невероятной расцветки: снизу пряди рыжие с зеленью, сверху – желтые с малиновым. Из-под этого немыслимого оперения смотрели маленькие плутоватые глаза.

– Это Альберт, – представила Акулова. – Наш стилист, визажист и администратор в одном лице. Не смотрите, что он так несерьезно выглядит, – свое дело он знает и все прекрасно устроит.

– Обижаете, Ирина Михайловна! – сказал Альберт и действительно весь сморщился. Голос у него был высокий и нервный. – Я выгляжу очень серьезно, а если вы это насчет моей прически, то просто парикмахер попался дурак. И потом, так даже интереснее.

– Интереснее... Пугало из тебя так делать интереснее, вот что я тебе скажу. Ладно, это все потом. Женя, а это мои девочки.

На «девочек» я тоже взглянула с интересом. Модели и манекенщицы, которые чувствуют себя на экранах и обложках модных журналов как дома, всегда невольно кажутся этакими недостижимыми эфемерными созданиями. А тут – совершенно реальные, живые существа из плоти и крови, на любой вкус и размер. Хотя... насчет размера это я явно поторопилась. Размер все они носили никак не больше сорокового, что при огромном росте всех этих моделей казалось почти

что протiwоестественным.

Когда первая из них чуть поклонилась, мне реально показалось, что я услышала, как стукнулись друг о друга ее кости.

– Это Лола.

Сценический образ Лолы явно имел какое-то сходство с «женщиной-вамп». Иссиня-черные волосы, ярко-красные, очень полные губы и огромные, чуть приподнятые к вискам глаза. Даже невероятная худоба ей шла, хотя и наводила на мысль о том, что эта роскошная ведьма питается исключительно человеческой кровью.

– Очень приятно, – прогудела Лола очень низким басом. – А вы к нашей компании каким же боком? Тоже костюмы демонстрировать?

В черных глазах мгновенно зажегся недобрый огонек. Я не могла ошибиться – это была вековая, непримиримая ненависть красивой женщины к возможной конкурентке.

Уф, даже страшно стало – щас укусит!

– Нет, Лола, Женя у нас по другому вопросу. Она телохранитель.

– Не поняла... Телохранитель? Работница Мавзолея, что ли?

Только очень острое музыкальное ухо могло уловить в этом вопросе издевку. А с тобой нужно держать ухо востро, детка, подумала я, глядя в черные глаза женщины-вамп. Еще и работать не начали, а ты уже такая агрессивная. Женоненавистница.

– Нет, – ласково сказала я. – Не работница Мавзолея.

– А кто?

– Работница крематория. Там тоже разные тела встречаются, в том числе и красивых молодых женщин модельной внешности. Лежат, бедняжки, в холодильниках, дожидаются очереди. И мы их охраняем.

– От кого? – вскинула Лола подбородок. Она старалась держать лицо, но было видно, что сильно испугалась.

– От сексуальных маньяков. Некрофилов. Бывают, знаете ли, любители... на холодный девичий труп...

Воронов фыркнул, Ирина Михайловна поморщилась, Альбертик засмеялся, а какая-то из остальных манекенщиц взвизгнула. Лола, смерив меня презрительным взглядом, отошла от нашей компании, демонстративно села поодаль, положив ногу на ногу, и развернула на колене глянцевого журнал. «Чихать я на вас хотела, и вообще пошли все на фиг», – недвусмысленно говорил весь ее вид.

– Не обращайтесь внимания, Лола хорошая, просто новых людей не любит. Знаете, ревность и все такое, – улыбнулась мне другая девушка. Эта была кареглазая, с уложенным на затылке узлом густых, прекрасного медового оттенка волос. Из-под распахнутого плаща виднелось строгое черное платье – никаких излишеств. Продолжая улыбаться, она протянула мне руку:

– Меня зовут Катерина, фамилия Измайлова. Я здесь кем-то вроде старосты на общественных началах. Рада нашему с

вами знакомству, если что – обращайтесь с любым вопросом.

Я заметила, что Катерина Измайлова старше всех остальных. Ненамного – года на два-три; позже, когда мы пили шампанское «за знакомство», я узнала, что ей «целых» двадцать два, тогда как другим девушкам не больше девятнадцати. Но и сейчас было понятно, что Катерина – самая выдержанная и спокойная из всех «девочек». Еще раз улыбнувшись мне, она отошла в сторону.

– Жень, а у вас и пистолет, наверное, есть? А вы мне пострелять дадите? – звонко, на весь зал (пассажиры заоглядывались на нас и шушукались) спросила самая юная манекенщица – Аня Мохова.

С ней меня знакомить было не нужно. Недавно в нашем городе проходил конкурс красоты, и фотографиями Анечки, пятнадцатилетней школьницы, одержавшей убедительную победу, были увешаны все таблоиды. Тонкое личико с бриллиантовой короной на пышно взбитых платиновых волосах и хрупкая фигурка с наброшенной на плечики песцовой шубкой – подарок от спонсоров – украшали недавно и все первые полосы наших газет.

Я и не знала, что этот симпатичный ребенок работает в модельном агентстве; думала, что после конкурса ее отправили обратно за парту.

– Пистолет у меня есть, но пострелять я тебе не дам, – ответила я.

Язык не поворачивался называть ее на «вы».

– Почему это?

– Потому что огнестрельное оружие детям не игрушка. Сначала школу закончи.

Анечка надула губки:

– Школу я только через два года заканчиваю. А сейчас у меня вообще каникулы.

Ах да, сегодня же двадцать пятое марта. Действительно, первый день весенних каникул, а я-то удивлялась, как это родители разрешили девчонке прогулять целую неделю.

Обиженная Аня (ничего себе начиналось мое знакомство с коллективом!) тоже отошла в сторону и уселась возле Лолы, которая, казалось, этого не заметила.

– А теперь Оля и Поля, – сказала Ирина Михайловна, подводя ко мне еще двух девушек – совершенно одинаковых, так что мне пришлось уточнять, где именно Поля и где Оля.

Милые шатеночки в кожаных кепочках поочередно сунули мне руки и прыснули.

– Спорим, вы сейчас подумали, что мы близняшки? – спросила Поля, потряхивая длинными сережками из оникса.

– И скажете, что родная мать нас не отличит? – добавила Оля, кокетливо заправляя за ушко короткий завиток.

– А разве нет?

– Нет! – торжественно вскричали шатеночки и, смеясь, переглянулись. – Все принимают нас за близняшек, а мы просто родные сестры! Поля на год и два месяца старше Оли! А различия никакого! Правда, интересно?

– Да, очень, – ответила я вполне искренне.

– Нам так часто говорят, что мы близняшки, что иногда и сами этому верим.

– И стараемся не особенно распространяться на тему, что это не так, – напомнила им Ирина Михайловна. – Чтобы не разрушать интригу. Модели-близнецы – это редкий, всегда интересный и притягивающий к себе внимание ход!

– Ой, Ириночка Михайловна, вы же знаете, мы – никому! Только Жене, но ведь она – наша?

– Она наша, но языками мести все-таки нужно поосторожнее.

Виновато переглянувшись, Оля и Поля отошли.

– Ну а теперь Юля. Это наша королева.

Юля-королева и в самом деле была чудо как хороша – она выделялась даже на фоне остальных красавиц. Правильный овал лица, обрамленный каштановыми волнами крупно выующихся волос, украшали яркие, как бриллианты, и такие же чистые голубые глаза. Прямой греческий нос и прекрасно вылепленные губы – эта девушка просилась даже не на глянцевою обложку, а прямиком в скульптурную залу Эрмитажа. Боже, боже, это Венера, не иначе...

Кивнув мне, Юля-Венера будто не заметила протянутой руки и величаво прошествовала к киоску с книгами. Другие пассажиры, ожидающие своего вылета в вип-зале, расступались перед нею, провожая восхищенными взглядами.

– Не обижайтесь, – сказала Ирина. – Юля очень молчали-

вая девушка. Иногда по целым дням и слова от нее не добьешься. Но аккуратная и исполнительная.

«А может, она молчит, потому что ей нечего сказать?» — подумала я, тоже провожая взглядом высокую фигуру в белых брюках и таком же белом полушубке из искусственного, но все равно очень дорогого меха.

Ирина Михайловна тем временем посмотрела на часы:

— Так. До вылета у нас еще целый час. Я думаю, мы успеем и, более того, должны выпить в честь нового знакомства немного шампанского.

— Возражений нет, — поддержал ее Альберт.

— Я знаю, дорогой, что относительно шампанского у тебя никогда не бывает возражений. Впрочем, тебе и карты в руки. Распорядись.

Альбертик исчез мгновенно, будто его смыло волной цунами. Ирина Михайловна посмотрела на меня, и во взгляде ее я не могла не уловить глубоко запрятанную тревогу.

— Ох, Женя, если бы вы знали, как меня все это беспокоит. Волнуюсь, вот говорю себе, что нет причин для беспокойства, а все равно волнуюсь. Мой первый показ, первый вылет с нашей коллекцией в Москву, вся эта суматоха впереди... Будем надеяться, что все обойдется.

— Негоже начинать новый виток творческой биографии с такого настроения, Ирина Михайловна. Конечно, все будет хорошо.

Подняв над головой две бутылки французского шампан-

ского, от буфета к нам на всех парусах летел Альбертик.

* * *

Самолет приземлился благополучно, и уже через пятнадцать минут после посадки мы с охранником Игорем ожидали своей очереди в пункте выдачи багажа. Три больших, похожих скорее на мини-автомобиль, чем на чемодан, коффра и несколько сумок с менее ценными косметикой и прочей ерундой целиком заняли две тележки, которые мы арендовали у носильщика.

– Довезете, Женя? Я бы вам помог, но у меня только две руки, – виновато посмотрел на меня Игорь, берясь за ручку своей тележки.

– Довезу, конечно. Я не кисейная барышня.

– Это я уже понял, – кивнул он, и мы тронулись с места. – Кстати, для удобства и установления более тесных контактов предлагаю перейти на «ты». Вы как?

– Приветствую. Скажите... то есть скажи, нас будут встречать? Ведь не в такси же мы все это погрузим да плюс еще десять человек.

– Эти девчонки такие худюшие, что вполне могут поместиться все вшестером на одном переднем сиденье, – ухмыльнулся Игорь. – Но ты не беспокойся. Всю нашу веселую компанию встретит, отвезет в гостиницу специальный транспорт от Модной недели. Ирина точно знает, кто именно.

– А с Ириной ты тоже на «ты»? – поинтересовалась я простого любопытства ради.

– С ней-то? Ну, конечно. Уже давно. Мы с Павлом Акуловым, мужем Ирины, давние товарищи, однокашники, еще по институту. С тех пор и работаем вместе, правда, Павел на себя пашет, а я на него. Но обид нет – как говорится, каждому по способностям.

Мы вывезли наши тележки через стеклянные двери на улицу. Столица встречала нас неприветливо: сырой мартовский ветер, замешанный на дожде и мокром снеге, трепал дрожащих от холода девочек во главе с Ириной Михайловной, забирался под одежду. Придерживая полу красивой, но коротенькой, что называется, на рыбьем меху дубленки, Акулова помахала нам рукой:

– Сюда, сюда. Ну что, все благополучно? Альберт побегал искать микроавтобус и объясняться с охраной. Сейчас звонили наши встречающие – вышла какая-то накладка, и на территорию порта автобус не пустили. Ничего, он договорится, вот увидите.

Анюта стучала зубами и вздрагивала при каждом порыве ветра.

– Ой, девчонки, я сейчас пр-р-росто заледенею, как сосулька, – жалобно говорила она. – Мне кажется, я уже начинаю... Ног не чувую... А еще живот болит – вот напасть-то...

– А живот почему болит? – насторожилась Ирина Михайловна. – Ты что это, Анна? Съела что-нибудь?

– Ой нет, что вы! Я уже вторую неделю только салатными листьями питаюсь и газировкой. И то стараюсь не переедать. А живот болит – так это я позавчера пупок себе в пяти местах проколола. Ну, это, типа пирсинг.

Я уставилась на нее во все глаза, не в силах понять, зачем молодой девочке добровольно подвергаться такой чудовищной операции. Лола, которая, как видно, разделяла мое мнение, покрутила пальцем у виска. Катерина пожала плечами и отвернулась, королева Юля индифферентно жевала жвачку и смотрела в сторону.

А вот Поле и Оле, которые грелись, тесно прижавшись к друг другу и пританцовывая, информация о проколоте пупке доставила явное удовольствие.

– Анька, классно! – вскричали они. – Пупок в пяти местах? Нет, правда классно! Ты теперь знаешь что? Вставь туда колечки и повесь занавеску!

И девушки захохотали, прижавшись друг к другу еще крепче, как сиамские близнецы.

Мохова, надувшись, открыла рот, чтобы что-то возразить, но тут произошло неожиданное.

Из-за угла длинного здания аэропорта медленно выехал желтый автопогрузчик. Странно, что бы ему делать здесь, по эту сторону порта? Но погрузчик, набирая скорость, двигался очень уверенно и, что самое интересное, точно в нашу сторону. Даже на полной скорости он все равно двигался не слишком быстро, поэтому девочки не завизжали и не броси-

лись врассыпную, а лишь отступили на несколько шагов, да так и остались стоять, прижавшись к стене. Подчиняясь скорее автоматическому, натренированному годами, чем логически продуманному решению, мы с Игорем толкнули свои тележки в разные стороны и, развернув их у стены аэропорта, загородили своими телами.

В это время с автопогрузчика прыгнули четверо одетых в фирменные сине-желтые «внуковские» комбинезоны крепких парней и стали с грохотом сбрасывать около нас какие-то чемоданы. Красные, черные, белые, чемоданы в клеточку и в смешной цветочек, кейсы, сумки и даже два точно таких же кофра, какие стояли у нас на тележках... Вся эта гора оказалась рядом с нами и на время отрезала нашу компанию от остального мира.

– Что вы делаете? Эй! Я вас спрашиваю! – резко крикнул Игорь.

Он толкнул свою тележку ко мне и, решительно шагнув к одному из парней, схватил его за отворот комбинезона:

– Слышишь, малый? Да ты пьян или чокнулся? А ну, убирай свое барахло к чертовой матери! Что это тебе – багажное отделение, что ли?

– Велели вам передать! Ваш багаж, сказали, – равнодушно сообщил парень, не делая попыток вырваться.

– Да ты очумел, малой! Как это – вот так сказали нам передать? Не спрашивая ни фамилии, ни паспорта, ни билета? Иди кому другому зубы заговаривай, понял?!

– Слушай, отец, мое дело маленькое. Мы ехали из багажного – нам сказали: компания, что сейчас из Тарасова прилетела, не все свои пожитки забрала. Велено догнать, сгрузить, вернуть и отвалить!

– Кто приказал?

– Мент какой-то.

– Какой еще мент?

– Здешний! Со значком дежурного!

– Ты с ним знаком? А ну, пойдем внутрь, покажешь!

– Я что – фраер, с ментами дружбу иметь? Видал я ихнюю братию знаешь где? Слышь, отец, пусти. У меня дел куча, некогда! Иди сам в багажное и разбирайся там, ваш это багаж или подсунули вам... с десятков сумок.

– Мама!!! – вдруг громко вскрикнула Лола. На ее бас невольно оглянулись все.

– Мама!!! – повторила она. – А вдруг там бомбы?!

Мысль была не очень глупая. Тем более учитывая всем известную криминогенную обстановку в столице, известно, какую начинку могут иметь такие вот «ничейные» сумки.

Но и не совсем верная: бомбы и всякого рода взрывные устройства не сбрасывают на грязный асфальт с такой небрежностью. Будь там бомбы – наши перламутровые кишочки давно бы уже пылились на березовых веточках.

– Так, все, базар закончен! Быстро собрали это свое шмотье и увезли туда, откуда взяли! Стой! А ну-ка, сперва открой это, – Игорь наугад пнул одну из сумок, – и покажи мне,

что там! А Женя пускай пока вызывает милицию. Открывай!

– Папаша, папаша! Ты здесь не командуй!

– Повозражай мне еще, щенок!

Вдруг парень сделал какое-то неуловимое движение то ли рукой, то ли ногой, и Игорь моментально оказался лежащим лицом вниз на мокром и грязном асфальте!

Правда, он мигом вскочил на ноги, но тех нескольких секунд, которые были упущены, хватило для того, чтобы трое остальных парней моментально соскочили с погрузчика и, подскочив к тележке Игоря, стали закидывать в автопогрузчик наши баулы!

Поднялась суматоха. Кто-то завизжал, Ирина Михайловна кинулась к похитителям и стала колотить их по чему попало ридикулем и зонтом-тростью, Катерина Измайлова – сама смелая из девушек – вцепилась в один из чемоданов и завопила:

– Грабят! Помогите, грабят!

Я тем временем выполняла свою задачу – спасала наш багаж. Два кофра и несколько сумок из тележки, которую вез Игорь, резвые парни уже успели закинуть на погрузчик; перепрыгнув через двух сцепившихся на асфальте людей (это Воронов кинулся на главного из похитителей, повалил его наземь и метелил что есть силы), я пнула в пах того, кто попытался перегородить мне дорогу (он охнул и согнулся втрое, отчаянно матерясь), ребром ладони под кадык вырубил еще одного (он мешком свалился прямо в лужу, обдав

меня фонтаном брызг) и, добравшись, наконец, до автопогрузчика, скинула обратно два чемодана и два кофра.

Ирина Михайловна и Катерина резво хватали багаж за ручки и волокли обратно на тележки. Четвертый парень, тот самый, кому Катя не отдала одну из сумок, отпихнув от себя нашу кладь, кинулся прочь, петляя, как заяц. Трое других с разной скоростью (в зависимости от полученных травм) тоже бросились в стороны.

Я спрыгнула на землю. С ног до головы забрызганный грязью Игорь, тяжело дыша, помогал женщинам установить наш багаж обратно на тележки. Он никак не устанавливался: сумки падали, кофры вставляли как-то косо и не оставляли места для другого багажа. Чертыхнувшись, Игорь не удержался и пнул один кофр ногой; Ирина Михайловна побледнела.

– Осторожно! Там же одежда для показа!

– Прости, Ирина. Эти подонки меня просто из колеи выбили.

С грехом пополам мы погрузились. Девушки отряхивались, как вышедшие из песка куры, и поглядывали в сторону выхода с территории аэропорта, обозначенного железной оградой. Я тоже посмотрела туда: отсутствие Альберта начало меня беспокоить.

И еще меня удивляло, что, несмотря на поднятую нами суматоху и шум с криками «грабят» и «помогите», к нашей компании не подошел никто – ни милиционер, ни работник порта. Даже пассажиры, выходящие из здания, пугливо об-

ходили нас стороной – и только.

Игорь понял мое удивление и устало улыбнулся:

– Ничего удивительного, Женя. Этот скандал приняли за обычную разборку между носильщиками за клиента. Здесь часто происходят такие вещи. Парни-то были в фирменных комбинезонах, они же и устроили кучу-малу, вот люди и подумали... А администрации просто неохота связываться.

Я кивнула – это объяснение меня устроило. Пнула ногой одну из чужих сумок, что валялась рядом, к моему удивлению, она ответила пустым звуком и легко откатилась в сторону.

Не веря себе, я пнула и другой лежащий на земле чемодан, затем третий, четвертый. Все они были пусты!

«Я была права: весь этот багаж с автопогрузчика – не более чем муляж. Никто не хотел подсовывать нам бомбу или наркотики – парни пришли именно за нашими чемоданами и кофрами!»

– Альберт! – вдруг хором закричали девочки. – Ну наконец-то, Альберт!

Администратор (он же стилист, он же визажист) бежал к нам и на ходу призывно махал рукой. Мы поняли, что это знак выходить за ограду.

– Там у входа машинами все заставлено, ни пройти, ни проехать, – пояснил он, подбежав. – А микроавтобус я нашел, стоит и ждет, шофер даже погрузиться нам поможет – я договорился. А вы чего такие?

– Какие?

– Красные какие-то и грязные...

– Да так, отбивали нападение неприятеля, – ответил за всех Игорь. – Подробности за вечерним чаем, под шелковым абажуром. Веди!

К микроавтобусу мы шли, петляя по узким тропам между поставленными почти впритык друг к другу машинами. Несколько раз вслед нам ругнулись, один раз обозвали «табором»; последнее почему-то особенно задело Лолу. Она обернулась и выдала вслед оскорбителю такую тираду, что даже у меня запылали щеки.

– Лола, – с упреком сказала ей Акулова. – Лола, здесь же Аня.

Но Мохова только в восторге запрыгала около манекенщицы:

– Ничего, Ирина Михайловна! Даже интересно! Здорово! Жалко, я только не все запомнила! Но Лолка мне потом все на бумажку запишет, я заучу и буду в школе от мальчишек отбиваться, только ты обязательно запиши, ладно, Лол?

– Какая я тебе Лолка, малолетка сопливая, – бросила женщина-вамп, даже не оглянувшись на Анюту.

Та вспыхнула сразу, как порох:

– Сама ты сопливая! Килька волосатая! Губастая каланча! Я, между прочим, «Мисс Тарасов», а ты вообще недавно рыбой на рынке торговала!

По-прежнему не оглядываясь на подругу и не прерывая

шага, Лола протянула назад руку, быстрым и точным движением схватила Аню за красиво взбитые волосы, развернулась и несколько раз ткнула ее в усеянный птичьим пометом капот какой-то машины:

– Понюхай, чем пахнет, паршивка! Понюхай! Понюхай! И в следующий раз думай, прежде чем вступать в разговор со взрослыми тетками, пацанка немытая!

– А ну, прекратить! – резко сказала Акулова.

Но Лола и без того уже выпустила Аню и устремилась дальше, независимо вихляя бедрами. Аня шмыгнула носом и оглядела нас глазами, которые моментально стали наполняться слезами:

– Нет, ну вы видели?! За что она меня, а? За что?! Еще бы чуть-чуть – и синяк под глазом был бы обеспечен! А как бы я с фингалом на подиуме показалась?! Ирина Михайловна, она это нарочно!

– Иди вперед, – коротко приказали ей.

Впереди показался бок долгожданного микроавтобуса. Мы узнали его по эмблеме Модной недели, украшавшей двери машины. Приспустив стекло, на шоферском месте сидел и курил водитель в потертой на локтях кожаной куртке.

– Вадим Иванович! Довел-таки, – еще издалека крикнул ему Альбертик. – Вот она, наша компания – семь... то есть восемь, – покосившись на меня, поправился он, – красивых женщин и два импозантных мужчины.

Шофер кивнул нам всем сразу, не задержав взгляд ни на

одной из красивых манекенщиц. У него был очень скучающий и пресыщенный вид. Представляю, сколько великолепных женщин с суперформами приходилось этому человеку видеть каждый день, работая в таком месте, как Модная неделя! После этого любая кривоногая толстуха с короткой шеей может показаться ему оригинальной и ни на кого не похожей женщиной с изюминкой.

Водитель откинул багажник и стал помогать Игорю и Альбертику устраивать туда вещи.

– Однако! Не знал я, что платья и юбки могут весить сто килограммов! – крикнул он, переваливая через борт кофр с нарядами.

– Нет, наши будут полегче, – с ноткой удивления заметила Ирина Михайловна. – А вообще вы правы. Некоторые женщины носят очень тяжелые платья.

– Ну да. С гвоздями вместо пуговиц и кирпичами вместе подплечников, – усмехнулся водитель, захлопывая багажник.

Ирина Акулова вздернула подбородок.

– Вы недооцениваете нас, уважаемый Вадим Иванович, – сказала она очень холодно. – Тяжелые платья бывают самыми красивыми в мире, более того – подвенечными! Я могу привести в пример британскую актрису Джозефин Доэрти, которая выходила замуж в платье весом 178 килограммов. На отделку этого наряда понадобилось огромное количество стразов, которые блистали на солнце, как улыбка младенца,

плюс несколько километров белоснежного китайского шелка и кружев. Длина шлейфа достигала восемнадцати метров, и его несли восемь шаферов и пять подружек невесты.

– И на сколько же женишку пришлось раскошелиться из-за этой придури? – внимательно выслушав Акулову, спросил водитель.

– На двадцать пять тысяч фунтов стерлингов, – сухо ответила ему она и вошла в автобус.

– Ну и дурак это парень, больше ничего не скажешь!

После этого резюме наш шофер не произнес больше ни слова.

Наша компания довольно быстро разместилась в машине и прилипла к окнам. Москва, Москва! Любишь ты этот город или не любишь, но, приезжая сюда, невозможно отказать от удовольствия рассматривать все, что вырастает за окном, – соборы, новостройки, лесополосы, опять какое-то древнее строение, опять стеклянный новодел, шоссе, дворники с маленькими особнячками, спальный район, дорога и вновь знакомые с детства по книжным картинкам очертания памятников...

Мы приехали в Москву.

* * *

Поселились в гостинице «Московия» – своего рода уютном особняке, постояльцы которого в любое время суток

чувствуют здесь себя избранными и желанными гостями. Этот отель не имел ничего общего с бетонно-стеклянным деловым «муравейником», на который так походят сегодня многие современные гостиницы. И это мне сразу понравилось.

Понравился мне и мой номер полулюкс, который удачно располагался неподалеку от люкса, который, конечно, заняла Ирина Михайловна. Окна и двери здесь были надежные, а сочетание удобной итальянской мебели красного дерева, мягких кресел, тяжелых портьер с современной «начинкой» в виде системы кондиционирования, телефона, телевизора и доступа в Интернет создавало у меня ощущение спокойной, домашней обстановки и одновременно настраивало на рабочий лад.

Носильщик, который помог мне занести вещи и теперь топтался у входа, рассчитывая получить на чай, разливался соловьем:

– Добро пожаловать в «Московию»! Мы всегда рады служить нашим гостям со всех концов света! В ресторане «Борсалино», где по вечерам играет живая музыка, вам предложат лучшие блюда русской, европейской, американской кухни. А в память о незабываемой поездке в столицу России вы сможете приобрести в расположенном на первом этаже магазине эксклюзивные сувениры...

Я сунула ему в руку зеленую бумажку:

– Спасибо, братец. Я думаю, что все это я прочитаю в ва-

шем рекламном буклете, вон я вижу один такой на журнальном столике. Ты лучше вот что, я сейчас переоденусь, а ты скажи портье, чтобы он почистил мне куртку и джинсы – видишь, какие грязные. И обувь тоже. А потом закажи обед прямо сюда, в номер. Что-нибудь на твой вкус.

Разглядев в своей руке размер вознаграждения, носильщик издал горловой звук и забил копытом, как цирковой конь:

– Все будет исполнено! Все! А одежду вашу я сам почищу!

Мне было все равно. Я закрыла за гостиничным работником дверь, скинула кроссовки, с облегчением вылезла из пропахшей потом и грязью рубашки, куртки, джинсов. Сложила одежду в черный мешок с надписью «для стирки», который нашла на антресолях, и выставила его за дверь.

В ванной журчала вода, распространяя по номеру чудный хвойный аромат. Я погрузилась в пенную воду, намылила голову шампунем и, откинувшись на кафельный бортик, закрыла глаза.

Было над чем подумать. Если спустя всего лишь какой-то час (даже меньше!) после прилета служащие «Кассиопеи» подверглись очень дерзкому и очень агрессивному нападению, во время которого у нас попытались стырить чемоданы, то нельзя даже предугадать, что будет дальше! Во всяком случае, кто-то всерьез собрался испортить Акуловой пребывание на Модной неделе и сорвать ее показ.

Что ж, для того чтобы воспрепятствовать этому, у меня

есть три дня – показ модельера Ирины Акуловой, согласно расписанию, которое она передала мне еще вчера у себя в офисе, назначен на восемнадцать часов вечера послезавтра. До этого времени я должна разбиться в доску, но сберечь доверенную мне коллекцию – иначе грош мне цена как профессионалу! Поэтому сразу же, как только выйду из ванны, надо будет зайти в соседний номер к Ирине и убедить ее перенести кофры с предназначенной к показу одеждой ко мне. Конечно, Акулова относится к своим моделям, как к детям, но для ее же блага будет лучше, чтобы...

В дверь постучали так настойчиво и громко, что я вздрогнула и открыла глаза. Нет, не показалось. Стукнули еще раз. И еще... Я быстро окунулась с головой, смыла с волос мыльную пену и выскочила из ванны, на ходу заворачиваясь в гостиничный купальный халат.

Прошлепала к двери, оставляя на паркете позади себя мокрые следы.

– Кто там?

Ответом мне были быстрые шаги, удалявшиеся по коридору.

– Эй!

Я повернула ключ, открыла дверь и... никого не увидела. Абсолютно пустой, тихий коридор с уходящей вдаль ковровой дорожкой.

И в ту же минуту мне в спину ударила резкая трель телефонного звонка. Захлопнув дверь, я ринулась к журнально-

му столу, на который выложила вынутые из карманов куртки кошельки и мобильник.

Звонила Акулова.

– Женя, – сказала она в трубку странным, полузадушенным голосом, – Женечка, умоляю, срочно ко мне в номер! Но только тихо! Так, чтобы никто не слышал, Женя!

– Иду, – сказала я и отключилась.

Сердце кольнуло нехорошее – ох! – очень даже нехорошее предчувствие. Какая дрянь случилась на этот раз? Напали на самую Ирину? Но тогда она не имела бы возможности мне позвонить!

Разумеется, я не стала тратить времени на переодевание – выскользнула из номера прямо в халате и буквально прокралась по коридору к Иринуному люксу. Конечно, если кто наблюдал со стороны, то не заметить меня было невозможно, но если наблюдателей не было, то, по крайней мере, никто не услышал моих шагов.

Дверь распахнулась сразу, стоило мне только тихонечко цапнуть ее ногтями. Бледная как смерть Ирина, не говоря ни слова, схватила меня за руку и втащила в комнату.

Люкс Акуловой состоял из двух смежных комнат и круглого, будто обведенного циркулем, коридора. Ирина Михайловна втокнула меня в комнату, которая одновременно могла служить и приемной, и гостиной. Краем глаза я успела заметить, что номер действительно шикарный, как у кинозвезды: стены затянуты блестящей парчой, бархатные портьеры

собраны в замысловатый ламбрекен, ноги утопают в роскошном, белом с золотом, ковре.

– Сюда, – сдавленно прошептала дизайнер, увлекая меня в соседнюю комнату.

Мебели здесь было немного – широкая кровать под балдахин, секретер, туалетный столик, прикроватная тумбочка, пузатый на гнутых ножках гардероб, два кресла, – но расставлена она была с отменным удобством и вкусом.

Не отпуская моей руки, Ирина развернула меня к себе и впилась мне в глаза затравленным, как у кролика, взглядом:

– Женя, Женечка, что мне делать? Господи, отвечайте же мне, что мне делать, Женечка? – спросила она шепотом, прыгающими губами.

– Ну... это зависит от того, что вы натворили, – осторожно ответила я, ничего не понимая.

Не отрывая от меня дикого взгляда, Акулова показала мне рукой на что-то позади себя. Я всмотрелась: ничего особенного, только небольшой ералаш из-за стоящих у самой дальней стены огромных кофров с одеждой. И зачем она сдернула с кровати парчовое покрывало и набросила его на раскрытый кофр?

– Женя... Посмотри... Там...

Дрожащий палец вытянулся в сторону покрывала. Высвободив руку из цепкой Ириной хватки, я подошла к стене и сбросила его, отбросив за спину.

Под ним, уютно свернувшись калачиком в глубоком чреве

черного кофра, лежал труп.

– А-а-а... – тоненько взвизгнула Ирина и закрыла глаза. Пятясь, она дошла до кровати и села на нее – машинально, как механическая кукла.

– Кто это? – спросила я, как могла, спокойно. Такие сюр-призы следовало еще осознать.

– Я не знаю, – шепотом ответила она. – Я его первый раз вижу.

– Вы уверены, что не привезли его с собой?

Она покачала головой, но глаз так и не открыла. Да, я ее понимаю. Не на что тут было особенно смотреть.

С трудом преодолевая тошноту, я присела на корточки у лежащего в чемодане трупа. Покойников я не боюсь (смешно было бы бояться их при моей профессии), но как-то не люблю. Не знаю почему.

Наверное, потому что у меня с ними мало общего.

* * *

Солнце пробивало разноцветные витражи балкона с видом на Манеж и Красную площадь и выкладывало на сверкающем паркетном полу замысловатую мозаику. Мы с Ириной сидели рядышком на кровати. Она, приложив руку к груди и судорожно вздыхая, я, нахмурившись и не сводя глаз с парчового покрывала, которое снова накинула на бездыханное тело.

Минуту назад я его хорошо осмотрела. В карманах нашлась небольшая пачка денег (тысяча триста долларов и десять тысяч рублей), лежащая просто так, безо всякого бумажника, смятый носовой платок, начатая упаковка валидола и удостоверение на имя директора Модной недели в Москве Пищика Анатолия Гавриловича.

Убитому (а этот человек был именно убит, судя по всему – задушен) было на вид лет пятьдесят – пятьдесят пять, он был невысокого роста, хотя и полной комплекции, с круглым мягким лицом и лысиной, которую он пытался прикрывать старательно зачесанными назад прядями. На нем был великолепный костюм темно-синего цвета в еле заметную бирюзовую полоску и тонкая рубашка с расстегнутым воротом. Галстука – а галстук безусловно должен предполагаться у человека, носящего такой костюм, – не было.

Обдумав все как следует, я решила прервать молчание.
– Как вы нашли... это? Просто окрыли кофр и... эээ... напоролись?

– Да... я решила проверить, в каком состоянии долетели мои костюмы... раскрыла первый же кофр и... еще когда раскрывала, удивилась, что он такой тяжелый...

– Понятно. А к другим не прикасались?

Она на мгновение раскрыла и снова закрыла глаза.

– Нет, я посмотрела... Только приоткрыла замки. Там все в порядке, там вещи. Просто я... как и все мы... никто из нас не заметил, что там, в аэропорту... мы захватили четвертый

кофр...

– Как-как?

Ирина перевела дух, чтобы набраться сил объяснить мне все сначала, но я и так все поняла. Четвертый кофр! Ну, конечно! Ведь у стены их стоит ровно четыре, а с собой мы везли три. Я еще в Тарасове пересчитала весь багаж и взяла на заметку: кофров с коллекцией – три штуки!

А этот – четвертый! Значит, там, во время суматохи с нападением, когда мы отбились от парней, которые хотели украсть наш багаж, в спешке мы захватили с собой лишний, четвертый, кофр! Четвертый кофр – с трупом!

То-то наш багаж никак не хотел вставать на тележку – там просто не было места для незапланированного чемодана! И водитель автобуса, как его, Вадим Иванович, тоже удивлялся, почему у нас такой тяжелый багаж!

Погодите, но что же это тогда значит? А вот что. Этот кофр был подброшен нам вместе с другими, пустыми сумками-чемоданами. Кто-то очень хотел, чтобы мы увезли с собой убитого Пищика или, на худой конец, как-то засветили свою принадлежность к кофру с жуткой «начинкой», и тогда подозрения в убийстве нашей компании было бы не избежать!

Ничего себе!

Открытым остается вопрос: связаны ли попытки во что бы то ни стало сорвать показ коллекции Ирины Акуловой с этим убийством? И кому помешал директор Модной недели?

– Как только я его увидела, сразу побежала к вам в номер... постучала – вы не открыли... там кто-то начал спускаться по лестнице, я испугалась, сама не знаю чего... нервы не в порядке... и вернулась обратно, позвонила вам и... и вот, – говорила тем временем Ирина.

Плечи у нее вздрагивали.

Я кивнула, соображая. Снова взглянула в удостоверение, которое держала в руках.

– Пищик Анатолий Григорьевич. Директор Модной недели. Вы его знали? Хотя бы заочно?

– Заочно – да, – пробормотала Ирина. – Мы списывались, обменивались документами по факсу и электронной почте, несколько раз говорили по телефону... Это еще на этапе подготовки моего приезда... Когда только решалось, буду ли я участвовать в показах... А лично ни разу не сталкивались, нет...

– Кроме этих организационных моментов, какие-то еще общие дела с этим господином у вас были?

– Нет, нет, что вы, никаких...

– А у ваших девочек или администратора?

– Господи, да откуда?!

М-да. Предстояло еще решить, что делать с трупом. Оставлять его в гостинице невозможно – для Ирины это будет неподходящий сосед, к тому же и за номер он не заплатил. Переносить его к себе мне тоже не улыбалось по тем же причинам.

– Игорь! – сказала я. – Ваш охранник! Где он?

– Он? Наверное, у себя. Он живет в соседнем номере, через стенку.

– Почему вы ему не позвонили? Зовите его сюда, он должен помочь нам избавиться от этого, – я кивнула на тело, – непрошеного визитера.

– А как?

– Это уже его дело. По-моему, самое лучшее – увезти его куда подальше, в место побезлюднее, если в Москве есть такое место, и сделать анонимный звонок в милицию. С гражданской позиции это, конечно, не совсем правильно, но это единственный способ хотя бы на несколько дней избежать допросов в милиции. Там нас с вами могут задержать на несколько часов, а то и дней.

– Но я не могу терять часы, а тем более дни, я...

– Вот и я про то же. А вообще, Ирина Михайловна, я бы посоветовала вам распорядиться, чтобы Воронов поселился в вашем же номере. У вас две комнаты, вы можете устроиться вполне комфортно. Конечно, с точки зрения приличий лучше, чтобы с вами эту неделю пожила я, но моя задача – охранять коллекцию. И я сторонник разделения обязанностей – раз функции личной охраны возложены именно на Игоря, то ему и карты в руки. А кофры с платьями мы перенесем ко мне в номер.

– Нет! – вдруг резко и с силой возразила Акулова. – Я никогда не буду жить в номере с посторонним мужчиной!

Никогда!

Ее бледное лицо стало покрываться розовыми пятнами. Нервные пальцы забегали по отвороту блузки и обратно.

– Это совершенно невозможно и недопустимо! И потом, что я скажу мужу?

– Я думаю, в данной ситуации он вас поймет.

– Нет! Никогда! Вы его не знаете, и вообще... Я буду жить одна! Это не обсуждается.

Ее детское упрямство мне, конечно, не понравилось, но что можно было сделать? Акулова сжала губы и так твердо на меня посмотрела, что мне стало ясно – Ирину не переубедить.

– Хорошо, но вы хотя бы телефон всегда держите под рукой. И сейчас же звоните сюда Воронова.

* * *

Не имеет смысла описывать изумление Игоря, его вопросы и то, что мы на них отвечали. Фактически повторилась та же самая сцена, что и со мной: удивление, настороженность, напряженное раздумье. В конце концов было решено, что Игорь вызовет такси и под предлогом переноса в Гостиный Двор, где будут проходить показы Недели, кое-какого нашего оборудования, вывезет кофр куда-нибудь в лесополосу.

– По пути я буду пересаживаться в несколько таксомото-

ров, — пояснил он, — и, таким образом, отследить мое передвижение путем опроса шоферской братии будет практически невозможно. Вас, дамы, я бы попросил не вступать в контакт ни с кем из посторонних до моего возвращения. Отпечатки ваших пальцев на кофре необходимо стереть.

Акулова дернулась, а я протянула Игорю удостоверение убитого и то, что нашлось в его карманах:

— Это нужно положить обратно в его костюм. И тоже стереть отпечатки.

Удостоверение, носовой платок и валидол Игорь у меня принял, а деньги беззастенчиво запихнул в свой карман. И подмигнул мне:

— Я человек не бедный, но дарить тому, кто найдет труп, такую приличную сумму не в моих правилах. Тем более что первыми нашли этого бедолагу все-таки мы. А покойному они все равно уже не нужны.

Определенный резон (если принять предложенную им долю цинизма) в словах Воронова был, но меня все равно покорило от мысли, что сейчас Игорь, по сути, ограбил мертвого.

Воронов почувствовал это, но, кажется, нисколько не смутился. Заметил, положив руку мне на плечо:

— Женя, эти деньги пойдут на то, чтобы несколько часов поколесить по Москве в таксомоторах, замечая следы, а кроме того, не исключено, что придется подкупить и самих водителей. А впоследствии — и ментов! Почему мы должны

тратить на это свое, кровно заработанное?

– Ты прав, – вмешалась Ирина, и тема, таким образом, была закрыта.

Воронов шагнул к телу, и мы с Ириной вышли из комнаты. Она – потому что не могла заставить себя еще раз посмотреть на труп, я – главным образом для того, чтобы подержать свою клиентку.

– Женя, пойдемте к вам? – устало попросила она. – Не хочу видеть, как Игорь будет *это* выносить...

* * *

Мы не просидели в моем номере и пяти минут, как в дверь постучали и портье, не дожидаясь ответа, вкатил покрытый белоснежной салфеткой столик на колесах. Ах да, я же заказывала обед в номер!

Сунув чаевые и портье (ну и прожорливая же братия эти служащие гостиницы!), я придвинула столик к дивану, сдержнула салфетку и оглядела содержимое. Тосты, масло, икра, жульен, салат и в кастрюльке в виде жестяной раковины – что-то горячее, дивно пахнущее, сочное – сок аппетитно проступал через края плотно закрытой крышки.

Есть хотелось просто ужасно. Я переставила судки, корзиночки и салатницы на большой стол и предложила Ирине присоединиться.

– Ах, что вы, – поморщилась она. – Да я и кусочка не в

состоянии проглотить. Не понимаю, как вы можете...

Она осеклась, но было и так понятно, что хотела сказать Акулова: как вы можете есть после того, как совсем недавно осматривали труп. Я усмехнулась, но промолчала, делая вид, что целиком отдалась процедуре намазывания хлеба маслом и икрой.

А подумала примерно следующее: знала бы ты, в каких условиях и после каких событий нам приходилось обедать в Чечне и Югославии. Да, у новичков и у особо впечатлительных бойцов (таких среди нас попадались, впрочем, единицы) после боев и «санитарной зачистки местности» аппетит порой пропадал на целую неделю. Но потом все они все равно присаживались к нашему котелку и наворачивали так, что за ушами трещало!

К военной операции и вообще ответственному делу нельзя приступать, предварительно не подкрепившись. Это такая же необходимость, как умение правильно укладывать парашют и собирать «калашников» с закрытыми глазами...

Подойдя к окну и встав у него влоботорота, Акулова спросила:

– Женья, как вы думаете, если у Игоря все пройдет не очень гладко и случится какая-нибудь осечка, то они... органы правопорядка... могут обвинить меня в убийстве?

Пальцы ее по-прежнему нервно перебегали от отворота кофточки вниз по застежке и обратно. Во вчера еще спокойных и строгих серых глазах теперь поселился какой-то дет-

ский испуг.

– Не думаю, – ответила я, перемешивая очень аппетитно выглядевший салат. – Даже уверена, что нет. Стоит только сопоставить время убийства и время нашего прилета из Тарасова в Москву, как станет понятно, что в момент смерти Пищика мы с вами как раз пили шампанское в аэропорту. В присутствии как минимум пятидесяти свидетелей.

– Женя, вы что... Можете сказать, когда он умер?!

– Конечно! – под жестяной «раковиной» оказалось фри-касе, и я с удовольствием наполнила свою тарелку. – Не забывайте, я же осматривала покойника. Он уже начал коченеть. Причем трупное окоченение началось у него именно тогда, когда он уже покоем в кофре, иначе его бы просто не смогли туда уложить. А если я правильно помню предмет «Основы судебной медицины», который нам читали в спецшколе КГБ, то выраженные признаки окоченения отмечаются у покойников спустя уже 3–4 часа после смерти, держатся около суток и только потом начинают исчезать. Три часа назад, как я уже сказала, мы с вами были довольно далеко от Москвы.

– А если они скажут, что мы привезли труп с собой? Знаете, для того, чтобы не распутывать «глухаря», – я читала, что так у милиционеров называется нераскрытое убийство...

– Хотела бы я увидеть лицо дежурного, который просматривал наш багаж в зоне контроля, – усмехнулась я, – если бы он увидел там свернувшийся калачиком труп. Не нагоняйте

на себя тяжелые мысли, Ирина Михайловна. За то, что вы переместили убитого из своего номера, где его обнаружили, в другое место, вас еще могут, как это называется, «притянуть». Но за само убийство – нет. Нет оснований.

– Господи, хоть что-то хорошее за весь день...

Она вздохнула, и некоторое время я продолжала свой обед в полном молчании. Затем, погрузив грязную посуду обратно на тележку, принялась за кофе. Предложила Акуловой выпить хотя бы минеральной воды – она взяла стакан, чуть пригубила и сразу отставила в сторону.

Зазвонил телефон. Трубку взяла Ирина, выслушала то, что ей сообщили, и, не говоря в ответ ни слова, кивнула головой и закрыла крышку мобильного.

– Это Игорь. Сказал, что все благополучно, он уже едет в такси с... с... с грузом.

– Что, прямо так и сказал?

– Нет, конечно. Если дословно – «Я в машине, товар у меня».

Я фыркнула.

– И все-таки, Женечка, какой же это ужас...

– Возьмите себя в руки, Ирина Михайловна. Не думайте об этом, просто выкиньте из головы. У вас впереди столько трудных и беспокойных дней, вот и займитесь подготовкой и организационными моментами. Кстати, что вы планировали сделать именно сегодня?

– Сегодня... Через два часа нам надо быть в Гостином

Дворе и разместить коллекцию в шоу-руме.

– Где?

– В шоу-руме, это такое специально отведенное место, где платья будут висеть для обозрения и продажи. Не прямой продажи, конечно, а приема заказов... если они будут... Мы поедем туда вместе: вы, я и Альберт. Он поможет нам красиво расположить вещи, выигрышно все разложить, выставить свет и так далее. У этого мальчика отменный вкус.

– А девочки?

– Ну, им там быть не обязательно, я бы хотела, чтобы они отдохнули с дороги и подъехали в Гостиный Двор позже, на репетицию.

– Как вам будет угодно, Ирина Михайловна, но у меня вопрос: если коллекция будет висеть в этом вашем, как его, шоу-руме, то каким образом я смогу ее охранять? Мне придется ночевать в этом помещении?

– Нет, конечно, тем более что это запрещено правилами. По договору с организаторами, в ночное время ответственность за платья, выставленные в шоу-руме, несут они. А вот днем, когда коллекцию будут осматривать гости, а также во время репетиций и перед самым показом за сохранностью наших моделей надо очень тщательно следить. Вы не представляете, что с ними может случиться в этой суматохе!

Ирина замолчала и замялась, глядя на меня вопросительно и как-то тревожно:

– Женя... Как вы думаете, не лучше ли нам немного ви-

доизменить ваши обязанности, которые мы вчера прописали в контракте? Я бы хотела... мне нравится ваша уверенность, нравится, как вы ведете себя в критических ситуациях вообще... с вами мне как-то спокойней... Хотя, конечно, Игорь тоже серьезный профессионал... Но два телохранителя – это всегда лучше, чем один, правда? В общем, я бы хотела, чтобы вы охраняли не только кофры, но и меня, и девочек. Даже так: сперва меня и девочек, а потом – кофры. Хорошо?

Я кивнула и отложила салфетку.

– Все ясно, вопросов нет. Ну, что ж, ехать так ехать, как говорил попугай, когда кошка волокла его из клетки. Я буду готова через пятнадцать минут.

Ирина сказала мне, что тоже пойдет переодеться, и вышла, осторожно прикрыв за собой дверь.

* * *

Гостиный Двор – прекрасное старое здание в ста пятидесяти метрах от Кремля – в этот день был похож не просто на муравейник, а на муравейник, в который наступила нога слона или бегемота.

В этом здании располагается множество бутиков и фирменных магазинов, офисов, в другое время никакого отношения к Модной неделе не имеющих. Сама администрация Недели занимала здесь всего несколько кабинетов. Но два раза в год, во время сезонных Модных недель, весь Гости-

ный Двор превращался в такой вот потревоженный слонем муравейник.

Всюду слышались стуки, вскрики, обрывки музыкальных мелодий, какие-то голоса по громкоговорителю. Сотни слушающих мелкой трусцой пересекали залы и холлы во всех направлениях. Почти каждый из них что-то непременно на себе волочил – детали конструкций, тюки с материей, ящики с инструментами, бумаги, папки, светомузыкальное оборудование... И вид при этом у них был такой, что конец света не просто совсем близко, а вообще давно настал и всем нам пора занимать очередь в чистилище!

У нашей компании (меня, Ирины, Альберта и Анечки Моховой, которая сгорала от любопытства увидеть, как выглядит этот Гостиный Двор, и потому напросилась с нами) проверяли документы не менее получаса. Дюжий охранник пробивал наши данные по компьютеру, проверял на свет, проводил кончиками пальцев по корочкам и в конце концов даже обнюхал. Мне показалось, что еще чуть-чуть – и он оторвет клочочек от страницы моего паспорта и попробует его на вкус.

– Проходите, – наконец сказал он со вздохом. Глаза его покрылись налетом смертельной тоски: так жалеют, что не могут тут же, не сходя с места, отвести нас в дальний угол и там расстрелять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.